

А.О. Кокорин

МАТЕРИАЛ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ, НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПУБЛИКАЦИЕЙ

Обзор климатических переговоров в ООН, октябрь 2021

(в преддверии 26-й Конференции сторон РКИК, Глазго, 31 октября – 12 ноября 2021 г.)

Содержание

Глобальный контекст конференции _____	2
Три формата встречи в Глазго _____	3
Официальные переговоры в рамках РКИК и ПС _____	3
Финансы _____	4
Механизм устойчивого развития _____	4
Управление лесами и другие природные решения _____	6
Меры реагирования _____	7
Встречи высших должностных лиц _____	8
Мероприятия вне переговорного процесса _____	9

ПРИЛОЖЕНИЯ

Пять лет Парижского соглашения: в мире и в России _____	9
Углеродная нейтральность и поглощение CO ₂ лесами России в контексте КС-26 _____	11

Данный краткий обзор подготовлен по документам Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН), решениям ее последней 25-й Конференции сторон (КС-25 на английском COP-25, Мадрид, 2019 г.), последующим результатам работы 52-й сессии Вспомогательных органов РКИК (online, июнь 2021 г.),¹ официальным и неофициальным заявлениям стран, международных организаций, крупнейших компаний и банков, аналитическим работам и отзывам экспертов.² Он ориентирован как на заинтересованных лиц, планирующих участвовать в работе КС-26 и/или отслеживать ход событий, так и на более широкую аудиторию, включающую СМИ, бизнес и общественность. Здесь не представлены позиции WWF или экологических организаций в целом, они изложены в других документах.³ Особенность обзора – в широком рассмотрении деятельности РКИК с акцентом на проблемы и аспекты, важные для России и стран ближнего зарубежья.

¹ Все документы имеются на сайте РКИК ООН www.unfccc.int

² Данная работа выполнена в рамках программы «Климат и энергетика» WWF России. Данный обзор, как и предыдущие, размещен на сайте WWF России <http://new.wwf.ru/what-we-do/climate-and-energy/> (раздел «Документы»). Комментарии и вопросы направляйте Алексею Олеговичу Кокорину akokorin@wwf.ru.

³ Позиция и требования всех общественных организаций, объединенных в сеть Climate Action Network (CAN), см. www.climatenetwork.org; сеть CAN для стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии (на русском языке) см. <http://infoclimate.org>. Скоординированная с CAN позиция WWF и ожидания от КС-26 https://wwfint.awsassets.panda.org/downloads/wwf_cop26_expectations_paper.pdf. Заявление российских неправительственных организаций к КС-26 см., в частности, <http://new.wwf.ru/what-we-do/climate-and-energy/> (раздел «Документы») и <http://rusecounion.ru>

Глобальный контекст конференции

Конференция будет одновременно и рядовой, и особенной. С одной стороны, это просто ежегодная встреча стран-участников РКИК и ее Парижского соглашения (ПС), где на уровне министров и специальных представителей стран обсуждаются текущие рабочие моменты. При этом в целом ПС выполняется, но сокращение выбросов парниковых газов (ПГ) идет слишком медленно (см. Приложение к данному обзору, где подводятся итоги ПС за 2016-2021 гг.). С другой стороны, в прошлом году КС не проводилась ввиду пандемии, а за два года глобальная климатическая тематика ушла далеко вперед. Главное, что стала более четко просматриваться долгосрочная перспектива действий. Два года назад передовые страны (прежде всего, ЕС и Китай) уже вовсю развивали свои системы контроля за выбросами ПГ и их регулирования (углеродное регулирование). Но даже их планы на будущие десятилетия были весьма туманны. В ПС говорится, что страны стремятся достичь нетто-углеродной нейтральности – *сбалансированности между антропогенными выбросами из источников и абсорбцией поглотителями парниковых газов во второй половине этого века* (статья 4, п.1), но большей конкретики там нет.

Теперь появилась конкретика: в 2020-2021 годах практически все развитые страны – ЕС, США, Япония, Соединенное Королевство, Канада, Ю. Корея, Норвегия, Швейцария и др. – объявили о намерении достичь углеродной нейтральности к 2050 году, а другие страны – Китай, Бразилия, Мексика, Аргентина, Казахстан и др. – к 2060 году. О таком же намерении заявила и Россия (см. Приложение к данному обзору, где освещаются особенности углеродной нейтральности нашей страны). Важный момент этих заявлений – страны достигают нейтральности на своей территории, снижают выбросы в 5-10 раз, а остаток компенсируют теми или иными проектами по поглощению CO₂ в пределах своей юрисдикции. Расчеты показывают, что им вполне по силам снижать выбросы с одновременным стимулированием своего высокотехнологичного и высококонкурентного развития, не тратя средств для закупки единиц снижения выбросов за рубежом (эти единицы нередко называют квотами, хотя никакого квотирования стран в ПС нет). Только три очень богатые страны, особенно заботящиеся о своем имидже (Норвегия, Швейцария и Япония), сказали, что частично будут закупать единицы сокращения выбросов за рубежом – у ряда развивающихся стран, с которыми у них уже налажены отношения. Поэтому глобальной межстрановой торговли «квотами» практически не будет еще много десятилетий. ПС создаст для нее условия в рамках статьи 6.2, но рассчитывать на ее активное использование не стоит, это скорее будет «заготовка» на отдаленное будущее.

При этом ведущие страны совершенно не отрицают финансовой помощи наиболее слабым и уязвимым государствам. Климатическое финансирование растет, по сути дела, именно оно является главным глобальным достижением ПС. Сейчас общая сумма приближается к 100 млрд долларов в год (три главные части этого потока – деньги национальных агентств помощи, международных банков развития и частные средства; небольшой процент дает Зеленый климатический фонд, ЗКФ ПС). На КС-26 будет обсуждаться коллективное обязательство о выделении 600 млрд в ближайшие 6 лет. Без климатического финансирования не было бы ПС, так как более 100 слабых и уязвимых стран сами не смогут адаптировать свое здравоохранение, сельское и водное хозяйство к изменениям климата, и они бы никогда не пошли на соглашение без денег. Кроме того, крупнейшие страны видят, что основной рост выбросов уже приходится именно на эти государства Азии, Африки и Латинской Америки, без перевода их развития на «зеленые» рельсы глобальной нейтральности не достичь, а без внешних денег этого не будет.

В сумме указанная самостоятельно достигаемая углеродная нейтральность более сильных стран и поддержанная извне нейтральность более слабых государств ведут к стабилизации глобального потепления на уровне 2,5-3⁰С. Это не радостная новость для наиболее уязвимых стран, для организаторов конференции и общественности, которые

настоятельно призывают к ограничению на уровне 1,5-2⁰С, как это и записано в ПС. На КС-26 будет немало призывов к переходу на более сильную траекторию действий, однако, скорее всего, они не приведут к существенным изменениям. Крупнейшие страны уже готовы встать на заявленные траектории углеродной нейтральности, но не более того. Вероятно, их не страшит перспектива глобального потепления на 2,5-3⁰С и соответствующего роста опасных метеорологических явлений, похоже, что перед ними пока стоит задача избежать худших сценариев развития событий – 4,5-5⁰С.⁴

Заметим, что официально в РКИК и ПС действия конкретных стран не обсуждаются, таков мандат переговоров. В ПС ни квот, ни обязательств по выбросам у стран нет, в этом кардинальное отличие ПС от Киотского протокола (КП). В ПС они должны лишь иметь цели по выбросам ПГ и не ослаблять их при пересмотрах (эти цели называют определяемыми на национальном уровне вкладами – ОНУВ, на английском – NDC). На переговорах в Глазго будут обсуждаться единые сроки ОНУВ, но не их содержание. Не будет и официального рассмотрения самого изменения климата как такового, его причины для РКИК – установленный факт.

Три формата встречи в Глазго

По сути дела, встреча в Глазго, как и прошлые КС, пройдет в трех разных форматах с разными задачами. Первое – официальные переговоры, второе – встречи и заявления на политическом уровне высших должностных лиц, третье – неофициальные мероприятия, где главные действующие лица – банки, бизнес-ассоциации, крупнейшие компании, города и общественные организации. Различным будет и финансовый контекст. В первом случае – уровень коллективных действий развитых стран по объему и структуре климатического финансирования (Россия является добровольным донором, оказывающим помощь по мере возможности⁵), во втором – конкретных сумм отдельных стран, в третьем – действий крупнейших инвесторов.

Делегации стран тоже нередко делятся на три группы участников КС: профессиональные переговорщики, высшее руководство и представители бизнеса. Первые будут две недели очень плотно работать, иногда даже ночью, часто за закрытыми дверями. Вторые соберутся в самом начале, 1-2 ноября (на открытии КС и приуроченной к нему «встрече мировых лидеров»), а затем 9-10 ноября, на специальном министерском сегменте КС и на пленарных заседаниях РКИК, где будут сделаны официальные заявления стран. Третьи, а их на КС подавляющее большинство, будут участниками многочисленных «сторонних мероприятий» (side-events), открытых для всех и нацеленных на поиск партнеров, доноров и инвесторов, демонстрацию успеха и понимание трендов.

Официальные переговоры в рамках РКИК и ПС

В данном обзоре официальные переговоры освещаются очень кратко, так как более подробная информация важна, прежде всего, профессиональным переговорщикам от стран, которые хорошо знают все детали. Весьма полная информация имеется на сайте РКИК ООН,⁶ включая подробную повестку дня заседаний в рамках РКИК, по ПС и в двух Вспомогательных органах РКИК⁷ (Вспомогательном органе по осуществлению – ВОО или SBI – и Вспомогательном органе для консультаций по научно-техническим аспектам

⁴ Численные расчеты роста опасных явлений имеются в только что вышедшем Шестом оценочном докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/>, для России большая конкретика ожидается в Третьем оценочном докладе, который должен выйти в 2022 году.

⁵ Россия в РКИК считается развитой страной, входит в Приложение I, но не входит в Приложение II. Поэтому она является не обязательным, а добровольным донором, выделяющим развивающимся странам средства по мере возможности, в частности, по линии специального фонда, образованного Россией совместно с Программой развития ООН.

⁶ <https://unfccc.int/process-and-meetings/conferences/glasgow-climate-change-conference>

⁷ https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Overview_schedule_COP26.pdf .

– ВОКНТА или SBSTA). Там же имеется расписание встреч на уровне высших должностных лиц, расписание официальных мероприятий (семинаров), организованных секретариатом РКИК ООН, а также крупнейших мероприятий в рамках инициативы Global Climate Action events. Как правило, именно на Вспомогательные органы и образованные ими рабочие группы приходится основная часть черновой переговорной работы. Председатели ВОО и ВОКНТА подготовили детальные записки о предполагаемом построении и содержании работы.⁸ Поэтому ниже кратко обсуждаются только некоторые аспекты переговоров, ключевые для мира в целом или наиболее значимые для России.

Финансы – всегда главная тема РКИК и ПС. На КС-26 речь пойдет о новом ориентире суммарного климатического финансирования, поступающего от развитых стран в развивающиеся, обсуждается цифра 600 млрд долларов за 6 лет. Ее закрепление возможно в основном – сводном – решении конференции 1/СР.26. Также очень актуально закрепление доли средств, выделяемых на адаптацию, и доли грантов (сейчас эти доли примерно по 25%), так как именно эти средства наиболее необходимы слабым и уязвимым странам, для них низкоуглеродное развитие – менее насущная задача. Сложный вопрос – выделение целевых «окон» финансирования, например, для «потерь и ущерба» (loss and damage). В РКИК так называют ситуации, когда потери неизбежны (например, при подъеме уровня моря), а не вероятностны, поэтому их невозможно застраховать. Это очень болезненный вопрос для многих особо уязвимых стран, в частности, малых островных государств, которые в Глазго будут выступать очень резко и настойчиво.

Механизм устойчивого развития (МУР, статья 6 ПС) остался единственным пробелом в принятом ранее своде правил соглашения. Правила МУР очень активно обсуждались на КС-24 и КС-25, но страны не смогли прийти к общему мнению, прежде всего, по вопросу использования в МУР единиц, оставшихся от проектов Механизма чистого развития (МЧР) КП. На использовании единиц настаивала Бразилия, которая является третьим владельцем наибольшего количества «лишних» единиц (после Китая и Индии). Вероятно, для Бразилии это было принципиальным политическим моментом, экономики за этим требованием нет, так как на данные единицы нет покупателей. Страны эти единицы не интересуют (как и в целом какие-либо покупки «квот»). Также крайне маловероятно, чтобы какие-то компании стали рисковать своим имиджем и покупать «старое». Мнение общественности развитых стран о единицах МЧР очень негативно, а сами проекты, прежде всего, их базовые линии, как правило, устарели. Поэтому Китай уже давно заявил, что не будет использовать единицы МЧР.

Есть и другие переговорные проблемы, в частности, страны не договорились об отчислениях с транзакций в рамках статьи 6 в Адаптационный фонд ПС (от каких транзакций и в каких размерах – обсуждались 2% и 5%). Однако это тоже более политическое, а не экономическое, разногласие. Для проектов не столь важна разница между 2 и 5, а в целом для Адаптационного фонда этих денег все равно мало, он в основном будет работать за счет целевых донорских взносов различных стран. При этом сама доля данного фонда в общем объеме климатического финансирования в любом случае будет очень невелика, не более нескольких процентов.

МУР подразделяется на три части:

- межгосударственную передачу единиц снижения выбросов (статья 6.2), но не такую, как в КП, где у развитых стран были квоты на выбросы; в ПС ситуация совершенно иная, а практически все страны приняли решение достичь углеродной нейтральности на своей территории;

---

⁸ https://unfccc.int/sites/default/files/resource/2021_sbi_scenario_note_Glasgow.pdf
https://unfccc.int/sites/default/files/resource/2021_sbsta_scenario_note_Glasgow.pdf

- проекты по снижению выбросов – статья 6.4 (два вида сотрудничества – по 6.2 и 6.4 – называют рыночными, хотя в рамках ПС они сильно отличаются от рыночных инструментов, так как далеко не только цена будет определять возможность продажи проектных единиц снижения выбросов);
- широкий спектр возможных видов международного сотрудничества, называемых рыночными методами, – статья 6.8.

По статье 6.2 в Глазго речь пойдет об обеспечении прозрачности транзакций, о недопущении двойного учета единиц, о получении глобального нетто-эффекта, например, когда покупатель получает меньше единиц, чем выдал продавец, а разница поступает на специальный счет и никак в дальнейшем не используется. В передаче единиц по статье 6.2 масса технических проблем: как быть, когда у одной страны NDC в абсолютных, а у другой – в удельных единицах (как углеродоемкость экономики или как отклонение от базовой линии будущего развития); как быть, если у одной страны NDC на конкретный год, а у другой на период и т.п. Все эти аспекты, конечно, важны, но надо понимать, что правила по статье 6.2 – в основном заготовка на очень отдаленную перспективу, в ближайшие десятилетия нет шансов на полномасштабную межстрановую торговлю.

По статье 6.4 должны быть приняты базовые принципы и критерии проектов. Они станут своего рода минимальным набором требований, которые затем будут предъявляться на национальном уровне. В частности, в российской системе проектов должны быть принципы и критерии не слабее, чем по статье 6.4 ПС, иначе проектам не найти покупателей единиц. Базовые принципы и критерии в основном очевидны и в целом, вероятно, будут повторять использовавшиеся в КП (отсчет от базовой линии, дополнительность по отношению к коммерческим проектам и решениям правительств, прозрачность, валидация до начала проекта и верификация его результатов, отсутствие негативных социальных и экологических эффектов и т.п.). Вероятно, возникнет вопрос о недопустимости крупных равнинных ГЭС, угольных и атомных проектов (в КП атомные проекты были исключены). Однако это будет, скорее, политическим ограничением, так как сложно представить себе покупателей на единицы от данных проектов, столь негативен их экологический имидж. Сложными будут переговоры о проектах в тех секторах экономики, которые не входят в NDC страны (например, в сельском хозяйстве Бразилии), впрочем, к России это не имеет отношения, так как наш NDC охватывает все сектора.

Для России важный момент – правила лесных проектов, работоспособные для бореальных лесов. В частности, эти леса растут медленнее тропических, поэтому требуют большей длительности проектов. Вопрос о лесоклиматических проектах очень непрост, леса могут сгореть, погибнуть от вредителей или ветровалов, проекты могут негативно влиять на экосистемы и жизнь местного населения и т.п.⁹ Многие экологические организации выступают за их запрет или за жесткие численные ограничения, считая, что лесная деятельность должна вестись на нерыночной основе по статье 6.8. В Глазго вряд ли стоит ожидать отказа от лесных проектов по статье 6.4, однако в целом сложно ожидать большого международного спроса на них. На имеющемся сейчас глобальном добровольном рынке масса лесных проектов, но покупателей находят далеко не все, как правило, это проекты, имеющие высокую социально-экологическую значимость. Другое дело – внутренний спрос на лесные проекты в национальных системах, в частности, для снижения углеродного следа российской продукции, вывозимой на экспорт. Впрочем, он будет определяться не правилами статьи 6.4, а правилами страны – импортера данной

⁹ Позиция WWF России по лесоклиматическим проектам <https://wwf.ru/about/positions/lesoklimaticheskie-proekty/>, там имеются критерии проектов; списки допустимых и недопустимых видов проектов; предварительные условия, которым должна удовлетворять компания – покупатель; указана доля выбросов топливно-энергетических компаний, которая может быть компенсирована лесными проектами.

продукции, например, ЕС, с которым России нужно вести соответствующие переговоры. Можно напомнить, что ЕС в КП не принимал единицы лесных проектов, что кардинально подорвало интерес к ним.

В данном контексте предложение о численных ограничениях на лесные проекты сложно считать экономическим шагом, больших объемов ожидать не стоит. Здесь уместно вспомнить КС в Марракеше в 2001 году, где принимались правила КП, а Россия добилась специального решения по большому численному объему лесных проектов в нашей стране. Было понятно, что лесных проектов будет мало, что такой объем совершенно не нужен, так и случилось, однако было важно не допустить политической дискриминации лесных проектов. Сейчас ситуация в целом аналогичная, отсутствие в правилах по статье 6.4 численных ограничений для лесных проектов – вопрос, фактически на спрос не влияющий.

В рамках статьи 6.8 обсуждаются все потенциально возможные совместные действия стран, не связанные с передачей единиц снижения выбросов, – от общих акцизов и стандартов, например, по удельным выбросам ПГ на единицу продукции, до единых адаптационных программ и мер поддержки наиболее уязвимых групп населения. Пока понятны только самые общие принципы: добровольность действий, отсутствие негативных экологических и социальных последствий и т.п. Сейчас речь идет лишь о формулировке задач и структуры Рабочей программы, которая бы позволила очертить круг возможных мер и постепенно переходить к конкретике. Заметим, что в виде опции предлагается заняться важным вопросом одновременного достижения результатов по адаптации и по снижению выбросов (увеличению поглощения CO₂) при устойчивом управлении лесами, где сложно провести границу между двумя видами деятельности.

Управление лесами и другие природные решения. На прошлой КС-25 впервые зашла речь о природных решениях проблем изменения климата (Nature Based Solutions, NBS) – таких действиях по охране и/или восстановлению природных экосистем, которые бы содействовали поглощению ПГ и/или адаптации к изменениям климата.¹⁰ Было признано, что NBS надо заниматься, причем как в наземных, так и морских экосистемах. В ПС есть статья 7, посвященная адаптации, и статья 5, говорящая, что *странам следует предпринимать действия по охране и повышению качества ... поглотителей и накопителей парниковых газов, .. включая леса.*

В 2018 году КС-24 приняла Катовицкую декларацию по лесам, подчеркивающую их роль в достижении нулевого баланса между антропогенными выбросами ПГ и их поглощением лесами.¹¹ Декларация относится ко всем лесам, не делая различий между тропическими и бореальными. В ней отмечается роль продукции из древесины как способа хранения углерода. Декларация призывает научное сообщество активнее исследовать роль лесов и возможностей их использования для решения климатической проблемы. Она также призывает бизнес, города, инвестиционные фонды и др. активнее предпринимать лесные действия. Однако это лишь декларация, а не план действий.

Увы, за прошедшие 5 лет реального прогресса по статье 5 не было, а в 2021 году деятельность по NBS в РКИК велась на уровне диалогов и форумов. Теперь назрела настоятельная необходимость продвинуться в данном вопросе, сделать практические шаги. Конечно, деятельность по NBS, вероятно, только в самой минимальной степени можно монетизировать, например, оформить в виде проектов по статье 6.4. В подавляющем большинстве случаев она будет не рыночной, но зато очень важной для достижения странами углеродной нейтральности.

---

¹⁰ Более подробно про NBS см.: <https://www.nature-basedsolutions.com/>, <https://wwf.panda.org/?943816/Nature-based-solutions-jobs-report>

¹¹ https://cop24.gov.pl/fileadmin/user_upload/Ministerial_Katowice_Declaration_on_Forests_for_Climate_OFFICIAL_ENG.pdf

Международное климатическое сотрудничество в рамках РКИК и ПС, в частности, по статье 6.8, безусловно, должно охватывать экосистемы, причем далеко не только лесные, но и степи, тундру, водно-болотные угодья, морские акватории. В качестве примера NBS часто приводится восстановление прибрежных мангровых зарослей, что позволяет адаптироваться к большему количеству штормов и содействует поглощению CO₂, причем задействуются и наземные, и морские экосистемы. Нет сомнения, что различные варианты NBS есть и в России, и во всех странах ближнего зарубежья. Для их реализации очень важно тесное международное сотрудничество, в частности, в рамках РКИК и ПС. Поэтому в решения Глазго NBS должны быть вписаны многократно: они должны стать неотъемлемой частью NDC стран, действий по финансам, по глобальному подведению итогов, намеченному на 2023 г. Только так можно сделать практические шаги к «Рабочей программе по NBS в соответствии со статьями 5 и 7 ПС». В то же время, создание такой программы в Глазго представляется маловероятным, слишком много неопределенностей, часто очень размыта граница между чисто природными процессами и действиями человека.¹² Вероятно, на КС-27 в Египте можно ожидать большего продвижения, особенно учитывая, что для Африки приоритет – адаптация, в том числе с помощью NBS.

Меры реагирования. Под этим термином в РКИК понимается влияние низкоуглеродного развития одних стран на экономику других стран (*response measures*, другой вариант перевода на русский язык – ответные меры).¹³ Воздействие может быть, как негативным, так и позитивным, на этом настаивают развитые страны. Им оппонируют арабские нефтедобывающие государства, подчеркивающие снижение спроса на нефть. В то же время, заблаговременные и предсказуемые действия со стороны стран-покупателей нефти позволят планомерно и постепенно переходить на другой тип экономики, что можно рассматривать как позитивный момент. Потенциально это очень важная тема, причем не только для экспортеров ископаемого топлива. Снижение спроса на продукты питания, доставляемые издалека, или на авиаперевозки может негативно повлиять, например, на производителей бананов или малые островные государства, сильно зависящие от туризма.

В РКИК данную тему активно продвигает Саудовская Аравия, однако делая акцент на мерах, влияющих на экономику *государств со статусом развивающихся* (не входящих в Приложение 1 РКИК как, в частности, Саудовская Аравия). Страна хочет показать свое «тяжелое» положение (вероятно, как аргумент против призыва оказать большую помощь наиболее слабым и уязвимым странам); получить возможность отчитываться о мерах по любой диверсификации экономики как о климатических действиях и т.п. Иногда высказывается мнение, что Саудовская Аравия стремится не допустить принятия в РКИК решений, ускоряющих уход стран от нефти, например, ограничений на проекты ЗКФ в нефтегазовой сфере. Однако это сугубо теоретическое рассуждение, на практике РКИК никак не рулит экономическим развитием стран (их выбором энергоносителей и т.п.), а правление ЗКФ отклоняет непопулярные для мирового сообщества проекты, не нуждаясь

---

¹² Для подсчета эмиссий и поглощений ПГ страна может использовать рекомендованную РКИК методику МГЭИК или свою более точную методику, если она прошла научную апробацию. Она может отличаться от МГЭИК технически, например, коэффициентом, определяющим, сколько CO₂ за год поглощает гектар южнотаежного елового леса возрастом 80 лет, но не может противоречить принципам РКИК, где считают потоки ПГ за конкретный год (или за несколько лет, если за год не позволяет временное разрешение данных). Нельзя представлять в РКИК данные о потоках CO₂, осредненных, например, за время жизни древостоя, равного 80-120 лет, даже если в других органах ООН, в частности, в FAO, это делается. См. Romanovskaya Anna A., Vladimir N. Korotkov, Polina D. Polumieva, Alexander A. Trunov, Victoria Yu. Vertyankina, Rodion T. Karaban. Greenhouse Gas Fluxes and Mitigation Potential for Managed Lands in the Russian Federation // *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*. 2019 <https://doi.org/10.1007/s11027-019-09885-2>

¹³ Официальный перевод *response measures* – *воздействие осуществления мер реагирования*: страна осуществляет меры *реагирования* на изменение климата (снижает выбросы ПГ), делая свою экономику менее углеродоемкой, что *воздействует* на другие страны.

в решениях своего куратора, то есть РКИК. Тема «мер реагирования» не ограничивается влиянием на развивающиеся страны, воздействие низкоуглеродного развития других стран, например, на Россию, Канаду и Австралию, очевидно. Поэтому в ПС были приняты общие формулировки, выделяющие развивающиеся страны, но не ограничивающие вопрос только влиянием на их экономики (статья 4.15 ПС). В РКИК большинство стран негативно воспринимает инициативы Саудовской Аравии по мерам реагирования. Поэтому по этой, потенциально очень серьезной, теме дело находится в дискуссионной фазе на уровне форума, образованного на КС-24 на 2020-2025 годы (его проведение входит в повестку дня Вспомогательных органов¹⁴).

Встречи высших должностных лиц

Встречи на политическом уровне глав государств и их специальных представителей, министров и глав делегаций на КС называются «сегментом высокого уровня». В Глазго он будет состоять из двух частей. Первая, так называемая «встреча мировых лидеров», пройдет в начале КС, 1-2 ноября, а вторая – «министерский сегмент» – 9-10 ноября. На первой части, а также в официальных выступлениях стран во второй части, будут делаться многочисленные заявления о сильных целях и успехах стран, намерениях выделить финансирование для наиболее слабых и уязвимых стран, поддерживать природные решения и т.п. Вероятно принятие деклараций, призывающих мир к активным и всеобъемлющим действиям, в частности, по лесам. Однако, как показывает опыт предыдущих климатических встреч высокого уровня, высказанные обещания и намерения не будут восприниматься как обязательства, они будут носить во многом имиджевый характер. Страны будут всячески подчеркивать свои сильные стороны и действия, вызывающие позитивную реакцию мировых СМИ и общественности, прежде всего, развитие ВИЭ и «зеленых» инвестиций. Успехи, действительно, немалые, и к ним стоит прислушаться.

Однако наряду с успехами есть и очень серьезные проблемы, которые в выступлениях ведущих стран, как правило, замалчиваются (мир не идет по пути ограничения глобального изменения климата на уровне 1,5-2⁰С, ведь даже заявленная углеродная нейтральность даст стабилизацию лишь на уровне 2,5-3⁰С). Страны не будут говорить о слабом снижении потребления угля, о строительстве крупных ГЭС, об атомной энергетике. Это не означает, что они не будут использовать данные источники энергии, просто таков жанр выступлений, никто не хочет быть проигравшим в информационном состязании, которым является любая политическая встреча.

Совсем другая роль отводится встречам высших должностных лиц 9-10 ноября. Во-первых, они должны будут найти удовлетворяющие всех решения и формулировки, о которых их делегации не смогли договориться за десять дней. В правилах по статье 6, в текстах по финансам, возможно, и в других документах КС наверняка будут спорные моменты, которые потребуют принятия странами решений на политическом уровне.

Во-вторых, эти встречи – хорошая возможность поговорить о двусторонних действиях, об участии в тех или иных программах и инициативах, выходящих за рамки РКИК и ПС. Для многих малых стран — это возможность договориться об участии в программах помощи крупнейшим стран. Для других стран встречи могут быть хорошей площадкой для обсуждения сложных двусторонних и многосторонних проблем. В частности, введение ЕС пограничного углеродного регулирования (Carbon Border Adjustment Mechanism, СВАМ) уместно обсуждать именно там, так как у официальных переговоров по РКИК и ПС нет мандата для рассмотрения действий конкретных стран.

---

¹⁴ https://unfccc.int/sites/default/files/resource/2021_sbi_scenario_note_Glasgow.pdf
https://unfccc.int/sites/default/files/resource/2021_sbsta_scenario_note_Glasgow.pdf

Мероприятия вне переговорного процесса

Программа мероприятий КС, выходящих за рамки переговоров, очень обширна. Это официальные семинары РКИК и других организаций ООН, МГЭИК, различных международных банков развития и национальных агентств международной помощи. В павильонах стран и организаций пройдут сотни семинаров и встреч (side events). Это будет глобальный форум с наглядной демонстрацией климатических успехов регионов и мегаполисов, компаний, фондов и банков. Для тех, кто не входит в официальные делегации стран, он – главная цель поездки. Конечно, немало мероприятий будет носить протокольный характер, организаторам будет важно лишь поставить «галочку» – их проект или программа представлены на КС. Будут даже такие мероприятия, которые негативно повлияют на имидж организаторов, настолько скучно будет представлена информация или же там будет говориться о крайне непопулярных на КС «чистом угле» или атомной энергии. Однако огромное большинство мероприятий будет иметь практическую направленность и позитивно влиять на имидж выступающих.

На форуме можно будет увидеть лучшие примеры действий, завязать партнерские контакты, чтобы затем предложить свои или совместные проекты, найти на них финансирование. Именно на этой площадке будет находиться подавляющее число участников КС. Они смогут лично убедиться в быстрой реакции банков и других финансовых институтов на заявления стран об их путях достижения углеродной нейтральности, увидеть снижение инвестиций в угольную энергетику и рост вложений в ВИЭ и другие зеленые технологии. Немаловажно обратить внимание на растущее внимание к природным решениям (NBS), причем не как к коммерческим действиям, а как к нерыночному типу взаимной поддержки и взаимодействия стран, выигрышных и для климата, и для природы, и для адаптации, и для снижения выбросов ПГ.

В целом можно будет увидеть, что РКИК и ПС не являются первичными драйверами глобального низкоуглеродного развития. Оно идет в условиях реальных намерений избежать худших последствий изменений климата. Крупные компании, международные и национальные, банки и инвесторы делают ставку на высокотехнологичное, а значит, низкоуглеродное развитие. По итогам КС наверняка можно будет сделать вывод, что глобальный низкоуглеродный тренд уже охватывает гигантские финансовые потоки и большие доли мировых рынков. Это никак нельзя недооценивать, всемирный энергопереход уже начался.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Пять лет Парижского соглашения: в мире и в России

Почти шесть лет назад, 12 декабря 2015 г., 196 стран-участниц РКИК приняли новое долгосрочное соглашение о совместных действиях, а также пакет вспомогательных решений. Формально оно вступило в силу с 2020 г., а Россия стала его полноправным членом в 2019 г., однако, по сути, действия начались сразу – в конце 2015 года. То новое, что в ООН и в совместные действия привнес Париж, – это необходимость кардинально усилить помощь наиболее слабым и уязвимым странам, а также всем всерьез заняться адаптацией. Про выбросы парниковых газов говорилось и в тексте РКИК, и в ее Киотском протоколе, а финансы и адаптация в основном появились только шесть лет назад. Говоря об итогах за эти годы, можно отметить, что по росту климатических финансов и по адаптации к изменению климата прогресс неплохой, но по выбросам парниковых газов ситуация гораздо хуже. В мире в целом они растут, хотя и есть хорошие шансы на кардинальное снижение к середине века.

В Париже страны приняли решение, что к 2020 г. общий объем средств климатического финансирования – помощи от наиболее развитых стран самым слабым и

уязвимым – достигнет 100 млрд долл. в год. Это включает, прежде всего, три главных компонента: средства международных банков развития, национальных агентств международной помощи и частные средства, мобилизованные по государственным каналам. Очень небольшую, но важную часть составляют средства Зеленого климатического фонда, специально созданного на конференции в Париже. Оценки показывают, что в целом развитые страны почти вышли на этот показатель. Роль России здесь пока невелика, в РКИК ООН наша страна – добровольный донор наиболее слабых государств, оказывающий помощь по мере возможности, в частности, через Программу развития ООН. То, что Россия объективно в стороне от финансовых достижений Парижа, никак не означает, что соглашение не работает или оно России не нужно. Финансы растут, проблема, скорее, не в их объеме, а в том, что лишь четверть идет в виде грантов, а кредиты слабым странам не подходят.

Адаптация идет по миру полным ходом. Стала более активно действовать и Россия. Выполняется первый этап Национального плана адаптации (на 2020-2022 гг.). По нему уже готовы институциональные и методические документы, предстоит завершить подготовку планов адаптации отраслей экономики. На следующем этапе дойдет очередь и до региональных действий. Сейчас практически всем ясно, что изменения климата плохи и для нашей страны, ведь это не мягкое потепление, а рост опасных метеорологических явлений; что нужно адаптироваться, действовать заранее и с запасом.

В Парижском соглашении записано, что страны должны остановить глобальное потепление на уровне существенно ниже 2°C и стремиться не превысить $1,5^{\circ}\text{C}$. Имеется в виду температура приповерхностного слоя воздуха на планете в целом, отсчитываемая от уровня второй половины XIX века. Однако уже сейчас пройдено примерно $1,1^{\circ}\text{C}$ при темпах роста $0,2^{\circ}\text{C}$ за десятилетие. В России, а тем более в Арктике, все значительно сильнее. Рассмотрение текущих планов всех стран на 2030 г. показывает, что мир идет к тому, что в 2100 г. глобальное потепление составит около $3,5^{\circ}\text{C}$. Тогда треть населения планеты столкнется с сильным дефицитом пресной воды, а волны жары станут проблемой для здоровья людей практически по всему миру. У России будут свои беды: таяние «вечной» мерзлоты на 60% нашей территории и чрезвычайная пожарная опасность лесов не только сильно осложнят нам жизнь, но и, вероятно, сделают страну крупнейшим в мире иницированным человеком источником парниковых газов – CO_2 и метана.

Пока снижения глобальных антропогенных выбросов парниковых газов нет, в Европе и США выбросы уменьшаются, в Китае и России они вышли на примерно стабильный уровень, но сильно растут в Индии и других развивающихся странах. Пока динамика и цели стран на 2030 год совершенно не соответствуют Парижу, а цель России по парниковым газам на 2030 г. не поддается разумному объяснению. Отрадно, что к концу «отчетной пятилетки» Парижского соглашения у многих стали открываться глаза и начали прорисовываться неплохие перспективы избежать худших последствий антропогенных изменений климата, затормозить, если не на полтора, то хотя бы на двух с половиной градусах. Это очень важно и для мира, и для России. Сначала Евросоюз принял решение к 2050 г. достичь углеродной нейтральности, то есть снизить выбросы раз в 10, а оставшееся компенсировать деятельностью по поглощению CO_2 из атмосферы, в частности лесами (что важно – на своей территории). Затем Китай заявил о движении к углеродной нейтральности к 2060 г.; США, Япония, Южная Корея и Канада – к 2050 г.; а Бразилия, Казахстан, Мексика, Аргентина, Индонезия и ряд других развивающихся стран – к 2060-м годам. Этот путь неизбежен и для нашей страны. Действия наших торговых партнеров, ведущих мировых компаний, крупнейших городов и бизнес-ассоциаций, действия инвесторов однозначно показывают, что именно развитие с низкими уровнями выбросов парниковых газов – глобальный, стратегический путь мировой экономики.

Отрадно, что перед конференцией в Глазго Россия тоже заявила о намерении достичь углеродной нейтральности к 2060 г. Здесь еще очень много неопределенного, но

одно ясно: нужно срочно изменить абсурдную цель по нетто-выбросам парниковых газов на 2030 г., подразумевающую их примерно 40% рост за 10 лет (с 50% до 70%, отсчитывая от уровня 1990 года). Пока есть только черновой вариант *Стратегии социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года*, более похожий на общую концепцию, за которой должен последовать детально проработанный план действий. Имеющийся там вариант интенсивного развития на 2050 год дает уровень нетто-выбросов, лишь немного превышающий 10% от 1990 года. В то же время собственно выбросы снижаются лишь до 50% от уровня 1990 г., а разница компенсируется ростом поглощения. Стратегия ставит перед страной гигантскую задачу кардинального изменения ведения лесного хозяйства, включая борьбу с пожарами и охрану особо ценных лесов. Технически это возможно, но начинать надо как можно быстрее и активнее. По Стратегии можно задать немало вопросов, в частности, почему снижение нетто-выбросов идет только с 2030 года, а до этого планируется постоянный уровень, равный примерно 52% от 1990 года. Впрочем, вероятно, никакую стратегию на 30 лет вперед нельзя считать незыблемой. Конечно, локально могут быть откаты назад, например, при восстановлении экономик после пандемии, но в целом глобальный тренд направлен только на усиление стратегий и планов всех стран в сторону снижения выбросов. Поэтому пересмотр нашей стратегии через 5-10 лет, вероятно, тоже неизбежен.

Углеродная нейтральность и поглощение CO₂ лесами России в контексте КС-26

На КС-26 заявление России о намерении достичь углеродной нейтральности к 2060 году будет обсуждаться на различных неофициальных мероприятиях и в СМИ. Конечно, это важный шаг вперед, но будет задаваться вопрос – почему не 2050 год, к которому стремятся достичь углеродной нейтральности страны Приложения 1, куда входит и наша страна. Ответ простой: по уровню экономического развития, по ВВП на душу населения России более логично быть в группе стран 2060-го года вместе с Китаем, Казахстаном, Мексикой, Бразилией и др.

Принципиально важно, что практически все страны намерены стремиться к углеродной нейтральности на своей территории, что делает широкомасштабную межстрановую торговлю единицами сокращения выбросов по статье 6.2 ПС фактически ненужной, в ближайшие десятилетия она крайне маловероятна. Поэтому углеродная нейтральность не может рассматриваться как финансово-экономическая категория. За перевыполнение сроков ее достижения нельзя получить деньги, а за невыполнение не будет штрафов – ничего подобного в ПС нет. При этом какие-либо «трюки» с подсчетом достижения нейтральности лишь повредят имиджу любой страны, бросят тень на реальные действия, направленные на то, чтобы для всех был более-менее приемлемый климат, более низкие риски и потери от опасных явлений.

Важное отличие России от других стран – соотношение снижения выбросов и их поглощения наземными экосистемами. Как правило, страны намерены снизить выбросы в 5-10 раз, а оставшееся (10-20%) компенсировать за счет большего поглощения CO₂, например, лесами. Россия на пути к углеродной нейтральности предполагает к 2050 году сократить выбросы только на 30% от нынешнего уровня, а доля «компенсации» лесами будет порядка 75-80%. Технически это возможно, но потребуются очень масштабные действия по всем «фронтам» пожаров, рубок, ухода за лесом, сохранения наиболее ценных – первичных – природных лесов и интенсивного лесного хозяйства во вторичных, давно освоенных человеком; российские ученые в целом понимают, как это может быть сделано.¹⁵ На КС-26 лесные действия России, безусловно, будут обсуждаться на

---

¹⁵ Romanovskaya Anna A., Vladimir N. Korotkov, Polina D. Polumieva, Alexander A. Trunov, Victoria Yu. Vertyankina, Rodion T. Karaban. Greenhouse Gas Fluxes and Mitigation Potential for Managed Lands in the

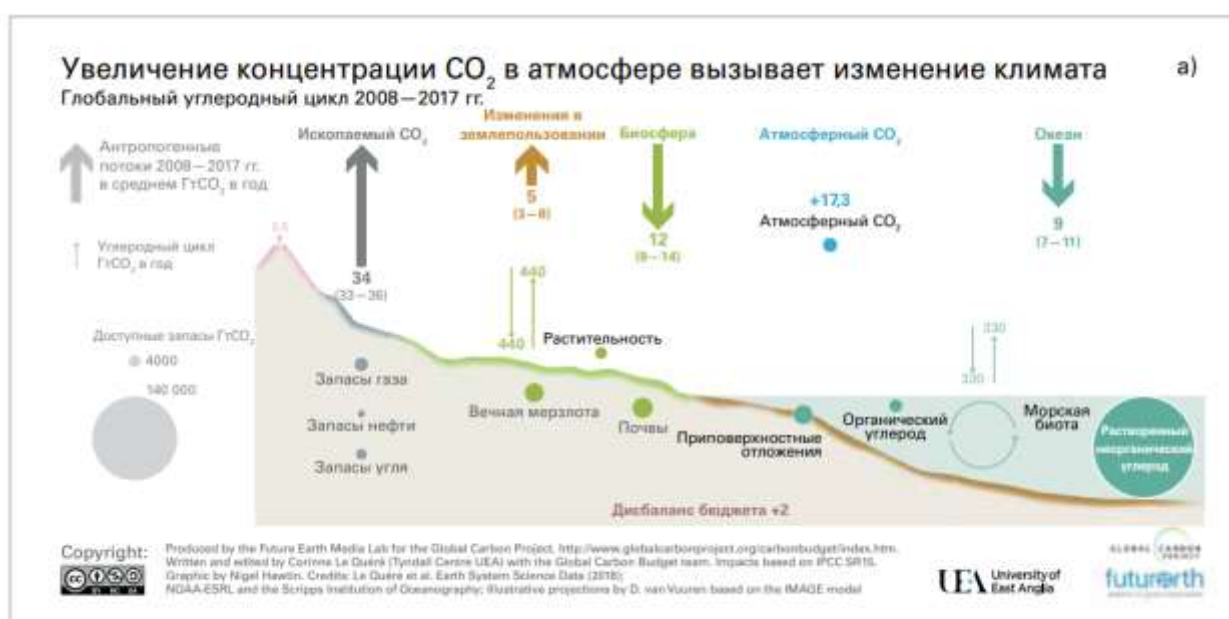
различных неофициальных мероприятиях и в СМИ. Следует ожидать и немало критики, в частности, так как мало кто понимает, что означают слова представителей нашей страны о нынешнем поглощении лесами 2,5 млрд тСО₂, в то время как, согласно представленному в РКИК Национальному кадастру РФ, нетто-поглощение составляет лишь 0,53 млрд тСО₂ (цифра на 2019 год, на 2021 год ввиду пожаров значение, вероятно, будет меньше).¹⁶

Здесь важно знать, каков в целом глобальный углеродный баланс СО₂ и его антропогенная часть. В сводном виде он был представлен в одном из последних ежегодных Заявлений Всемирной метеорологической организации.¹⁷ Вероятно, сходная иллюстрация будет в Шестом оценочном докладе МГЭИК, когда он появится в полностью сверстанном виде с красивыми иллюстрациями. Поскольку в любом случае глобальный баланс рассчитывается как среднее за 10 и более лет, то различия между версиями баланса не могут быть существенны для общего понимания ситуации, а именно она важна для обсуждения в широкой аудитории КС-26.

Глобальный баланс СО₂ и антропогенные потоки СО₂

(источник: Заявление ВМО о состоянии глобального климата в 2018 г. Женева, 44 стр.

https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=5797)

Антропогенный поток СО₂ в атмосферу в 2008-2017 гг. был равен около 40 млрд. т в год, из которых 5 (от 3 до 8) от изменений в землепользовании, включающего сведение лесов (все более свежие цифры будут немного больше, но это не существенно). Далее 9 (от 7 до 11) поглощает океан, а 12 (от 9 до 14) наземные экосистемы, остальное – почти половина накапливается в атмосфере. Если предположить, что леса России составляют около 20% от всех лесов мира (считать по площади лесов нельзя, нужно учесть, что на юге леса растут быстрее), то получается 12*0,2 = 2,5 млрд т поглощения СО₂. Однако это нельзя назвать нетто-поглощением антропогенного СО₂. В мире в целом оно оценивается в 7 (12 минус 5) млрд т в год. Чтобы получить 2,5 млрд т нетто-поглощения антропогенного СО₂, нужно предположить, что леса России дают 35% глобального эффекта. В принципе, это возможно, так что 2,5 млрд т – совсем не выдумка. Другие

Russian Federation // *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*. 2019

<https://doi.org/10.1007/s11027-019-09885-2>

¹⁶ Russian Federation. 2021 National Inventory Report (NIR), <https://unfccc.int/documents/273477>, данные об управляемых и неуправляемых лесах, лугах, водно-болотных угодьях и др., см. стр. 230 и далее.

¹⁷ Всемирная метеорологическая организация, 2019. Заявление ВМО о состоянии глобального климата в 2018 году. Женева, 44 стр. https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=5797

страны тоже могут для себя сделать аналогичные вычисления, могут даже добавить океанские акватории под той или иной юрисдикцией.

Важно понять, что не эти цифры страны подразумевают под фактом углеродной нейтральности, 2,5 млрд т – некое валовое значение, не связанное с действиями России, равно как и любой другой страны. Достижение нейтральности – целенаправленные действия, а не использование «дара природы». Поэтому правильно, что в черновом варианте *Стратегии социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года* используется значение 0,53 млрд т CO₂ в год в качестве нетто-поглощения управляемыми лесами и другими наземными экосистемами (пашни, луга, водно-болотные угодья и т.п., данные на 2019 год).¹⁸ Конечно, все эти расчеты должны уточняться, сейчас их точность в лучшем случае $\pm 20\%$.¹⁹ Могут изменяться категории земель: из неуправляемых они могут переводиться в управляемые.²⁰ Должны совершенствоваться методологии сбора данных и расчетов. Все это очень подробно описано в докладе РФ, представленном в РКИК в апреле 2021 года.²¹

Чтобы содействовать более конструктивным дискуссиям, для англо- и франкоязычных читателей к КС-26 был подготовлен и издан специальный краткий обзор для широкой аудитории, показывающий ключевую роль лесов в выполнении целей России по снижению нетто-выбросов парниковых газов и выхода на углеродную нейтральность.²²

---

¹⁸ Russian Federation. 2021 National Inventory Report (NIR), <https://unfccc.int/documents/273477>, данные об управляемых и неуправляемых лесах, лугах, водно-болотных угодьях и др., см. стр. 230 и далее.

¹⁹ Там же, стр. 274 и далее.

²⁰ Там же, стр. 225 и далее.

²¹ Там же, вопросы методологии, стр. 296 и далее.

²² Davydova Angelina, Timothy Nutter, Alexey Kokorin and Antoine Gillod. 2021. As Russia's climate policy comes under fire, burning forests risk depleting carbon sinks // *Climate Chance*. Case study Russia, 21 pp. <https://www.climate-chance.org/en/card/russia-climate-policy-under-fire-burning-forests-risk-depleting-carbon-sinks/> (in English) <https://www.climate-chance.org/cas-etude/russie-les-feux-de-foret-jettent-un-froid-sur-les-tiedes-ambitions-climatiques-de-la-russie/> (in French).